

МАЙНОНГ, ВИТГЕНШТЕЙН И АВСТРИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ*

Селивёрстов Владимир Валерьевич – кандидат философских наук, преподаватель. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 105066, г. Москва, Старая Басманная ул., д. 21/4; e-mail: vlseliverstov@mail.ru

В данной статье рассматривается проблема определения понятия «австрийской философии» в контексте возможного влияния австрийской философии XIX в. на концепцию Людвиг Витгенштейна. С точки зрения историка австрийской философии Рудольфа Халлера и представителя Венского кружка Отто Нейрата, австрийскую философскую традицию можно представить как единую цепочку взаимовлияний, в частности, проследить преемственность, найти общие черты у философии брентановской школы и философии Венского кружка. Здесь возникает важный вопрос: следует ли относить к этой традиции также и Людвиг Витгенштейна. Ответив на него, мы сможем лучше понимать её границы. Но в случае, если мы включим Витгенштейна в эту традицию, он окажется в одной компании с Алексисом Майнонгом, которого часто называют оппонентом Витгенштейна в логике, семантике и философской психологии. Поэтому нашей задачей в данном исследовании является выяснить, действительно ли данные концепции столь различны или же у них можно найти общие черты или признаки влияния одной концепции на другую. Основной зацепкой в данном случае является понятие «Sachverhalt» или «положение вещей», которое использовал Витгенштейн в «Трактате» и которое вполне сопоставимо по смыслу с майнонговским понятием «объектив».

Ключевые слова: Майнонг, Витгенштейн, Венский кружок, положение вещей, австрийская философия

MEINONG, WITTGENSTEIN AND AUSTRIAN PHILOSOPHY

Vladimir V. Seliverstov – PhD in Philosophy, lecturer. National Research University “Higher School of Economics”. Staraya Basmannaya Str., 21/4, Moscow, 105066, Russian Federation. e-mail: vlseliverstov@mail.ru

This article considers the problem of defining the concept of “Austrian philosophy” in the context of the possible influence of Austrian philosophy of the XIX century on the philosophy of Ludwig Wittgenstein. From Haller&Neurath’s point of view the Austrian philosophical tradition can be represented as a single chain of mutual influences. In particular, we can trace continuity, find common features in the philosophy of the Brentano school and philosophy of the Vienna Circle. But here is the question. Should Ludwig Wittgenstein also be included in this tradition? By responding to this question, we can better understand the boundaries of this tradition. But in case we include Wittgenstein in this tradition, then he will be in one tradition with Alexius Meinong, who is often called Wittgenstein’s opponent in logic, semantics and

* Статья подготовлена в результате проведения исследования (No 17-01-0016) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

philosophical psychology. Therefore, our task is to find out whether these theories are really so different. May be we can find common features or signs of the influence of one theory on another. The main clue in this case is the concept of "Sachverhalt" or "state of affairs", which Wittgenstein used in "Tractatus" and which is quite comparable in meaning with the Meinong's concept of "objektiv".

Keywords: Meinong, Wittgenstein, Vienna circle, State of affairs, Austrian philosophy

Совершенно непонятно, что такое австрийская философия. Непонятно, каких авторов мы подразумеваем, когда говорим об австрийской философии, непонятно, о какой философской традиции вообще идет речь. Австрийский историк философии Рудольф Халлер в принципе был настроен крайне скептически относительно существования австрийской национальной философии. Он «хотел исследовать то, как и когда вошел в употребление топос истории австрийской философии. В итоге выяснилось, что предмет такой истории не просто порождение фантазии, продиктованной потребностью в идентичности нового государства, но что подобная история распознавалась уже в поздний расцвет Габсбургской империи» [Haller, 1986, S. 47].

Австрийскую философскую традицию приходится фактически конструировать самостоятельно, используя определённые допущения. Он предлагает представить её как цепочку взаимовлияний, находит в ней преемственность в способах аргументации и методах исследовательской работы. Необходимо выделить некоторые отличительные особенности, приёмы свойственные только «австрийским» авторам и несвойственные авторам «немецким». Согласно Халлеру, такими отличительными чертами австрийской философии является антикантианство, антиидеализм, сциентизм, эмпиризм и установка на исследование языка. Таким образом, по мысли Халлера, выстраивается обширная сеть авторов из разных временных периодов, из разных регионов Австро-Венгерской империи, начиная от Бернарда Больцано и школы Brentano, продолжая Львовско-Варшавской школой и заканчивая Венский кружком. Халлер отказывается верить в то, что Венский кружок никак не связан с предшествующей австрийской философской традицией, а наоборот, считает австрийский логический эмпиризм самостоятельным явлением, никак не связанным с немецкой философией.

Безусловным достоинством подхода Халлера является то, что ему первому удалось связать отдельные философские концепции, предложив хоть какие-то аргументы в пользу того, что такая связь действительно имеет место. С другой стороны, описанные им черты скорее подходят для Венского кружка и лишь отчасти соответствуют тем концепциям, о которых говорит Халлер в начале. Для него, несомненно, философия Венского кружка является пиком развития австрийской философии, а предшествующая традиция скорее предваряет этот успех.

Важной проблемой для конструирования идентичности австрийской философии является вопрос о том, относится ли к этой традиции Людвиг Витгенштейн. Необходимо понимать, каких авторов мы включаем и исключаем из данной традиции, и вопрос о включении в неё Витгенштейна встанет наиболее остро, ведь он так или иначе оказал на неё значительное влияние, по крайней мере на философов из Венского кружка. По мнению Халлера, члены Венского кружка переняли у Витгенштейна интерпретацию логики и логических предложений, теорию эмпирических предложений и, наконец, концепцию философии как критики языка [Haller, 1988]. В статье, посвящённой Витгенштейну, в контексте австрийской философии Халлер предпочитает говорить о том, как Витгенштейн повлиял на Венский кружок, и при этом отмечает, что не собирается в данной работе рассуждать о том, как предшествующая австрийская традиция повлияла на самого Витгенштейна. Он здесь отстаивает другой тезис. Есть распространённое мнение о том, что у членов Венского кружка и Витгенштейна существовали разногласия по многим пунктам и что, хотя тексты Витгенштейна оказали определённое влияние на взгляды представителей кружка, тем не менее они поняли его идеи по-своему. Халлер же оспаривает данную точку зрения и выделяет общие черты, общие принципы, свойственные обеим сторонам, для того чтобы доказать принадлежность Витгенштейна к австрийской традиции как философа, оказавшего на неё определённое влияние и как разделяющего схожие методологические принципы (верификационизм, физикализм и др).

Отто Нейрат тоже искал общие для Венского кружка принципы в истории австрийской мысли. Так, в совместной с Карнапом и Ганом работе «О научном миропонимании» он пишет:

«Анализ проблемы оснований стимулировал усилия по обновлению логики. Для этих усилий в Вене также была подготовлена почва <...> благодаря деятельности Франца Brentano. <...> Он исходил непосредственно из схоластической логики и усилий Лейбница по реформированию логики, а Канта и идеалистических систематических философов он оставил в стороне» [Карнап, Ган, Нейрат, 2006, с. 59]. Brentano и его ученики «добивались нового строгого обоснования логики. <...> В Философском обществе при Венском университете под руководством Хёфлера [ученика Brentano. – В.С.] велись многочисленные дискуссии по вопросам оснований физики и связанных с ними теоретико-познавательных и логических проблем. <...> В окружение Brentano в Вене входил молодой Алексис фон Мейнонг, теория предметов которого обнаруживает определённое родство с современными теориями понятия» [Карнап, Ган, Нейрат, 2006, с. 59].

Данную точку зрения о существовании чётко очерченной австрийской философской традиции историк философии Барри Смит называет тезисом Нейрата-Халлера [Smith, 1997]. Одним из первых

критиков данного тезиса стал Фридрих Штадлер, который писал о двух лагерях, существующих в рамках Венского кружка – католической реакции и прогрессивного социалистического неопозитивизма. Согласно Штадлеру, в то время, «с одной стороны, в области научной философии доминировали демократические (просветительские, либеральные, социалистические) идеи. С другой стороны, было много людей, разделявших целый спектр антидемократических взглядов, от неоромантического консерватизма до фашистско-тоталитарных. Таким образом, возникает соблазн увидеть философскую жизнь того времени как часть ожесточенного партийно-политического Культуркампа между буржуазным лагерем и рабочим движением» [Stadler, 1979, S. 42]. Что уж говорить о школе Brentano, которая, согласно тезису Нейрата-Халлера, тоже является частью традиции. В целом, если уж Халлер считает, что о реальном влиянии не может быть и речи, а примеров такого влияния действительно немного, и можно говорить лишь об общих признаках, подходах, принципах и так далее, то тогда не должно быть существенных расхождений в этих принципах. Но такие расхождения прослеживаются. Если Халлер и его последователи склонны причислять Витгенштейна к австрийской традиции, то еще одной проблемой, которую необходимо решить является проблема влияния неокантианства на Витгенштейна. Ведь если, по мнению самого Халлера, антикантианство свойственно всей австрийской традиции, то и Витгенштейн должен являться антикантианцем, что как минимум достаточно спорное утверждение, которое до сих пор является предметом оживлённых дискуссий¹.

И это не единственное расхождение. Напомним, что, согласно тезису Нейрата-Халлера, в ряду единомышленников вместе с Витгенштейном должен располагаться и Алексиус Майнонг, который в некотором роде является оппонентом Витгенштейна в логике, семантике и философской психологии. Если Майнонг рассуждает об онтологическом статусе предметов, то для Витгенштейна значимыми элементами бытия являются факты. В то время как теория Майнонга мотивирована сугубо семантическими соображениями, у Витгенштейна другой подход к языковому выражению.

Для многих подход Витгенштейна к вопросу о значении языкового выражения символизирует новый этап развития мысли по данной теме. Гилберт Райл, помимо всего прочего известный как критик феноменологической традиции и теории Майнонга, так характеризует отношения между данными концепциями:

¹ Разумеется, Халлер не считал Витгенштейна кантианцем. Иначе это бы означало, что австрийская традиция в лице Витгенштейна испытала влияния немецкой мысли, что было недопустимо. См. его статью [Haller, 1988], а также её анализ: [Jacquette, 1997].

Прежде всего, давайте признаем в качестве прописной истины, о которой знал ещё Гегель, что философия всегда обязана своим оригинальным мыслителям, Расселу в равной степени как и Майнонгу, Канту как и Юму, Аристотелю как и Платону. Она обязана не только за те шаги вперёд, которые они делали, но и за то, что они ограждали своих последователей от неверных решений. В игре в чехарду с того места, где останавливается один игрок, совершает свой прыжок следующий игрок.

Хотя ни одному мыслителю не понравилась бы мысль о том, что его может кто-то скоро превзойти, оставить позади, тем не менее каждый хорошо знает, что он обязан шансом достичь того, что он достиг, своим предшественникам. Первооткрыватель в попытке обойти болото может попасть прямо в чашу, которую он даже не видел, и завести туда своих последователей. Расселу и Витгенштейну нужен был Майнонг, чтобы они смогли выбраться из этой чаши [Ryle, 1973, p. 257–258].

В данном случае вывод, который делается Райлом, в значительной степени обоснован его собственным представлением об истории философии. Он подводит читателя к мысли о том, что чехарда является точной метафорой развития философии, и поэтому, якобы, отсюда можно сделать вывод о том, что в дискуссии между Расселом и Майнонгом, а также в отношениях между Витгенштейном и Майнонгом роль Майнонга сводится к тому, чтобы помочь им прыгнуть дальше. Мы с таким же успехом можем использовать другую метафору, например, предложенную Карелом Ламбертом [Lambert, 1983, p. 12]. С его точки зрения, история философии – это такая игра, где для того, чтобы сделать шаг вперед, нужно сначала сделать два шага назад для того, чтобы понять, как избежать падения в пропасть, если совершить неверный шаг, который по идее должен был привести к успеху.

Но так ли сильно отличаются идеи Майнонга и Витгенштейна, их тексты? Для этого нам нужно разобрать отдельные утверждения теории Майнонга и сравнить их с тем, о чём пишет Витгенштейн.

Склонность Майнонга к введению новых понятий для обозначения знакомых вещей, вероятно, является для его критиков дополнительным аргументом в пользу того, чтобы говорить о «джунглях» лишней сущностей с разным онтологическим статусом. В этой связи особый интерес представляет история появления понятия «объектив». Объектив – это предмет суждения. Именно на этом уровне принимается решение о существовании или несуществовании объекта. До этого момента объект дан нам лишь только представлении. Как пишет Майнонг, «объектив выполняет опять же функцию подлинного объекта, в частности он может быть предметом нового, направленного на него как на объект, суждения, а также иных интеллектуальных операций. Когда я говорю: “истинно, что противо-

положности существуют“, то истинность приписывается не противоположностям, а объективу “того, что противоположности существуют“» [Майнонг, 2011, с. 206].

По свидетельству Финдли [Findlay, 1963, p. 60], Майнонг размышлял над тем, чтобы использовать вместо понятия «объектив» (Objektiv) уже известное на тот момент понятие «положение вещей» (Sachverhalt), которое впоследствии появляется и у Витгенштейна. Но, согласно теории Майнонга, в акте суждения объектив в принципе может признан ложным, недействительным, поэтому, с точки зрения Майнонга, было бы странным называть такой недействительный объектив «положением вещей».

Само понятие Sachverhalt, видимо, тоже появилось в рамках школы Brentano. Это изобретение приписывается другому ученику Brentano Карлу Штумпфу. Вот что об этом пишет сам Штумпф: «Понятие “положений дел”» [Sachverhalte], играющее все большую роль в новейшее время (Зельц, Кюльпе и др.) было введено Brentano, который очень хорошо понимал его важность. Я только заменил его термин «Urteilsinhalt» [содержание суждения] на ныне употребительное выражение, а именно, впервые в 1888 году, в моей лекции по логике в Галле» [Штумпф, 2003, с. 107]. Исходя из того, как Штумпф определяет данное понятие и использует в рамках своей теории, действительно можно сказать, что оно близко по смыслу к тому, что Brentano называл содержанием суждения. Об этом свидетельствует и следующее замечание Штумпфа: «От психических функций я отличаю психические формообразования, которые образуют специфические содержания психических функций. Таковым при объединении выступает совокупность, при суждении – положение дел [Sachverhalt. – В.С.], в случае понятийного мышления – содержание понятия, а при чувствовании и желании – пассивная и активная ценность» [Штумпф, 2003, с. 117].

Этимологически понятия образовалось от “Sich-Verhalten of Sachen”, что означает некоторое соотношение вещей между собой. Необходимость в таком понятии объяснялась Эдгаром Моршером [Morscher, 1986, p. 80–82] тем, что представители школы Brentano искали новые носители истинности и условия истинности, поскольку общепринятые носители истинности, вроде предложений или мыслей, а также условия истинности, вроде объектов предложений и мыслей, зависимы от пространства и времени, языка и сознания, изменчивы. Введение нового понятия было предпринято для того, чтобы создать и новую объективность. Другой вопрос, была ли такая попытка удачной. С одной стороны, тот же Майнонг действительно старается не говорить о языке, для него проблема несуществующих вещей скорее является проблемой сознания. Но в этом отношении он становится зависим от сознания. Исходя из вышеприведенного фрагмента из авто-

биографии Штумпфа, он в принципе и не рассматривает это понятие иначе, кроме как в связи с понятием сознания. Таким образом, предметом отдельной дискуссии является то, получилось ли сделать понятие «положение вещей» нейтральным, независимым от языка и сознания. Однако это не отменяет вклад брентановской школы в философскую традицию, связанную с данным понятием. Кевин Маллиган пишет, что «категория *Sachverhalte* или положений вещей является ключевой в ряду важных дискуссий в философии двадцатого века. Её довольно яркому появлению мы обязаны Витгенштейну, но она также присутствовала и в мысли Рассела, Мура и вновь появляется во многих важных дискуссиях о смысле, истине и анализе предложений... Однако спорно, что категория положений вещей является чисто современным философским изобретением» [Mulligan, 1989, p. 206].

Значимым событием для развития понятия стала публикация Гуссерлем своих «Логических исследований». Эту работу Гуссерль, кстати говоря, посвятил Штумпфу, с которым в своё время работал в Галле. Согласно Гуссерлю, *Sachverhalte* служат объектами наших утверждений, предположений, вопросов, желаний, а также того, что мы видим. В своей работе Гуссерль проводит различие между именами и предложениями. Выходит, имена относятся к вещам, а предложения к положениям вещей.

Ученик Гуссерля Адольф Райнах пишет работу «К вопросу о теории негативного суждения», в которой критикует брентановскую теорию суждения. С его точки зрения, ученики Brentano употребляют понятие «суждение» в двух значениях – как убеждение и утверждение. «С одной стороны, это убеждение, которое возникает в нас при виде предмета; нечто такое, что иногда называют чувством, а иногда и позицией сознания, во всяком случае некоторое состояние сознания. С другой стороны – утверждение, которое не ”возникает“ в нас, но ”выносится“ нами, совершенно отличное от любого чувства, от любого состояния; его можно охарактеризовать скорее как спонтанный акт» [Райнах, 2006, с. 487].

Если говорить конкретно о теории предметов Майнонга, то тут Райнах критикует то, как Майнонг описывает способ познания объекта. По мысли Райнаха, в теории Майнонга мыслим объект дважды. Сначала для это только лишь предмет представления. Но затем, после того, как мы выносим суждение о его существовании или несуществовании, мы мыслим его повторно, т. е. теперь уже как объект, чьё существование признано или отвергнуто. Райнах считает, что суждение не может быть основано на представлении, и это не является отношением к предмету или вещи. Оно должно основываться на некотором положении вещей, *Sachverhalt*. Его *Sachverhalte* существуют независимы от человеческого познания, от царства вещей, являются вечными и неизменными.

Следующей значимой работой, в которой вновь появляется *Sachverhalt*, является собственно «Логико-философский трактат». Витгенштейн вводит это понятие в сочетании с *Tatsache* и *Sachlage*. В предисловии Рассела к первому изданию «Трактата» на английском языке *Sachverhalt* переведено как «атомарный факт» [atomic fact], равно как и в первом английском переводе Огдена и Рамсея. Вместе с этим в этом переводе *Sachlage* значит как «положение вещей» [state of affairs]. Пирс и МакГинес во втором издании «Трактата» перевели *Sachverhalt* как «положение вещей», а *Sachlage* как «ситуацию» [situation].

Согласно Э. Стениусу [Stenius, 1960], *Tatsache* является дескриптивным содержанием истинных предложений. Таким содержанием предложения «Солнце больше Земли» будет «тот факт, что Солнце больше Земли». В этой же интерпретации *Sachverhalt* является дескриптивным содержанием любых предложений, как истинных, так и ложных. В предложении «Земля больше Солнца» таковым будет «такое положение вещей, что Земля больше Солнца». Таким образом, выходит, несуществующее *Sachverhalt* не является *Tatsache*, а существующее является. По мысли Стениуса, схожими с *Sachverhalt* характеристиками обладает и *Sachlage*. Оно точно так же может обозначать дескриптивное содержание как истинных, так и ложных предложений. Отличие заключается только в том, что *Sachverhalt* является дескриптивным содержанием «атомарного предложения», а *Sachlage* – «сложного». Во всяком случае, и то, и другое может оказаться *Tatsache*, если речь и идёт об истинном предложении. *Tatsache* в этом отношении никак не коррелирует с тем, является ли оно по своей структуре сложным или простым.

Данное Стениусом определение *Sachverhalt* довольно сильно напоминает майнонговское определение понятия «объектив». Для него точно так же объектив является в некотором роде дескриптивным содержанием суждения, которое может быть как истинным, так и ложным. Вот что об этом пишет комментатор работ Майнонга Финдли:

[Майнонг] добавил в царство фактов набор сущностей, которые похожи на факты во всех отношениях, но отличаются лишь тем, что они не существуют, т. е. они не обладают тем типом бытия, которое соответствует фактам. Весь этот класс сущностей, некоторые из которых существуют, а некоторые нет, он назвал объективами. Объективы вроде «Китай – это республика», «целое число между 3 и 4», «ревность – это хорошая эмоция» Майнонг трактовал как уникальные, нередуцируемые сущности, незаменимые в отношении нашего знания о реальности и к реальности как таковой [Findlay, 1933, p. 60].

Макс Блэк приводит большую подборку аргументов как «за», так и «против» данной точки зрения. Он пишет, что есть две основные модели интерпретации использования понятия *Sachverhalt* у Витгенштейна. Первая модель – модель, предложенная Стениусом, согласно

которой *Sachverhalt* является возможным положением вещей (В-теория). Согласно другой модели, *Sachverhalt* является всего лишь разновидностью факта (Ф-теория). «Представим что “Джэк любит Джилл” и “Джэк ненавидит Джилл” – два предложения, одно из которых является истинным, другое ложным. Согласно Ф-теории, “Джэк любит Джилл” – является *Sachverhalt*, а второе нет. Согласно В-теории оба предложения являются *Sachverhalt*» [Black, 1964, p. 41]. Вкратце представим данные аргументы [Black, 1964, p. 42–45]. Аргументы в поддержку Ф-теории таковы:

1) Витгенштейн сам признал, что «атомарный факт» является адекватным переводом, хотя у него несколько раз была возможность поправить перевод. Вряд ли он не осознавал отличие между фактом и возможностью или недостаточно знал английский язык.

2) В 4.2211 Витгенштейн пишет, что каждый *Tatsache* состоит из *Sachverhalte*, что вполне может означать, что *Sachverhalt* является простым фактом, а *Tatsache* сложным.

3) В 2.0121, 2.0123, 2.0124 упоминаются «возможные *Sachverhalte*». Если бы *Sachverhalte* были возможными положениями вещей, то такое словосочетание было бы излишним.

4) Согласно 2.0272 *Sachverhalt* строится из конфигурации предметов. Субстанция не определяет материальные свойства предметов и их конфигурацию (2.0231), поэтому исходя из 2.024 конфигурация не является чем-то существующим независимо от того, чему случается быть. Следовательно и *Sachverhalt*, будучи основанным на такой конфигурации, не может представлять некую вневременную, возможную общность предметов.

5) Если бы Витгенштейн полагал, что предметы объединяются в комплексы, которые могут или не могут существовать, тогда он, вероятно, так бы и сказал, используя для обозначения такого объединения другие термины, нежели «конфигурация» и «структура» (2.032).

6) Если бы *Sachverhalte* были бы просто возможностями, то как мог Витгенштейн считать, что вещи могут лишь только встречаться в *Sachverhalt* (2.012, 2.0121b, 2.0123a, 2.0141)? Из этого следует, что они могут и не встречаться, что согласно В-теории невозможно. Неважно, являются ли *Sachverhalte* действительными или нет, поскольку они охватывают все возможные сценарии, следовательно, вещи должны встречаться в тех или иных *Sachverhalte*.

7) По Витгенштейну имя обозначает предмет (3.203), в то время как описанию, если оно неверно, может ничего не соответствовать (3.24). И если предложение – это описание положения вещей (4.023), то согласно В-теории содержанию предложения соответствует некоторое *Sachverhalt* и было бы правильно назвать это содержание сложным именем, обозначающим соответствующее возможное положение

вещей. Но Витгенштейн при этом утверждал, что имена могут только простыми (3.202) и выступал против того, чтобы считать предложение сложным именем (3.143c).

Аргументы в поддержку В-теории:

1) Витгенштейн часто пишет о том, что *Sachverhalt* может или не может иметься в наличии (*Bestehen*) (2, 2.04, 2.05, 2.06, 2062). Вряд ли такое можно сказать о факте.

2) То же касается и вышеупомянутых «возможных *Sachverhalte*». Вряд ли возможный факт можно назвать фактом.

3) Предложение представляет некоторое *Sachlage* (2.11, 2.203, 3.02, 4.021, 4.031, 4.032a, 4.04a), равно как и *Sachverhalt* (3.0321, 4.0311, 4.122d). То, что изображает картина, является её смыслом. (2.221) Таким образом *Sachlage* – возможность, а не действительность («Предложение имеет смысл независимо от факта» (4.061)). То же касается и *Sachverhalt*.

Сам Блэк придерживается Ф-теории и его не смущает употребление в отношении факта выражений вроде «иметься в наличии» или «являться возможным». Между тем вопрос о значении термина *Bestehen* является довольно важным. В переводе Огдена, вероятно, такой проблемы не было, ведь он просто понятие *Bestehen* обозначает как «существование».

Между тем данное понятие, в частности, было довольно распространено в школе Brentano, и его активно использовал Майнонг. Согласно Майнонгу, реальным бытием могут обладать только объекты (предметы представления), а объективы (предметы суждения), дигнитативы (предмет ценностного переживания) и дезидеративы (предмет желания) могут лишь иметься в наличии. Решение о существовании или несуществовании объектов определяется на уровне объектива. В таком случае, если придерживаться интерпретации Стениуса, объектив у Майнонга, как *Sachverhalt* у Витгенштейна, является предметом любых суждений, как истинных, так и ложных. А соответственно, истинный объектив мог бы быть признан фактом. Точнее *Sachverhalt* можно тогда назвать «чистым» объективом, сущностью по ту сторону бытия и небытия.

По мысли Питера Саймонса, *Sachverhalt* – это точно не один из синонимов понятия «факт», а необходимый элемент в системе Витгенштейна:

«Зачем Витгенштейну нужны *Sachverhalte*? Потому что каждое осмысленное предложение представляет что-то, но не каждое предложение истинно. Только истинные предложения соответствуют фактам. То, что представляет элементарное суждение, не может быть позитивным атомарным фактом... поскольку тогда бы все элементарные суждения были бы истинными. Поэтому Витгенштейну нужно то, что в терминологии Майнонга можно было бы назвать

разбавленным фактом, который может быть представлен в предложении вне зависимости от его истинности или ложности» [Simons, 1992, p. 334]. Тогда можно предположить, что Витгенштейн использует предыдущие наработки для того, чтобы связать важные элементы своей теории: предложения, факты и предметы. Однако тут в связи с *Sachverhalt* возникает справедливый вопрос, вопрос о его онтологическом статусе. Им задавался, в частности, Райнхард Гроссман [Grossman, 1998]. В каком смысле *Sachverhalte* имеются в наличии? Здесь есть несколько вариантов. Они могут иметься в наличии подобно больтцановским «предложениям-в-себе» или фреговским «мыслям», райнаховским *Sachverhalte*, т. е. тогда Витгенштейна тоже в некотором смысле можно было бы причислить к платоникам. Также они вообще могут внебытийствовать, находится по ту сторону бытия и небытия, подобно чистым объектам Майнонга. К сожалению, в данном отношении никакого чёткого ответа на этот вопрос из ЛФТ мы получить не можем.

Таким образом, единственным звеном, связывающим концепции Майнонга и Витгенштейна, может быть понятие *Sachverhalt*. Другой вопрос, что данная ассоциация предполагает достаточное количество условностей при решении этого вопроса. Многое зависит от того, какой интерпретация данного понятия мы придерживаемся при прочтении ЛФТ. Текстуальный анализ Макса Блэка показал, что однозначной трактовки быть не может, хотя при этом некоторые значимые понятия, вроде понятий *Sachverhalt*, *Bestehen*, похоже играют в ЛФТ схожую роль, что и у предшественников Витгенштейна. После анализа данных понятий мы может сделать вывод, что Витгенштейн решал схожие задачи, что и Штумпф, Лотце, Майнонг, Гуссерль, Райнах и др., хотя и решал их иначе. Как пишет в этой связи Барри Смит, «какова вероятность, что Витгенштейн не позаимствовал данное понятие [*Sachverhalt*. – *B.C.*] ни у одного из этих авторов? Что, если он сформулировал его сам, не опираясь на их работы? Данное предположение, на мой взгляд, необходимо отвергнуть... Сегодня философам трудно понять, насколько их использование таких понятий как *Sachverhalt*, так и положение вещей [*state of affairs*] является относительно современным нововведением» [Smith, 1978, p. 43].

Включение или невключение Витгенштейна в австрийскую традицию тоже зависит от интерпретации данного термина. Ведь Халлер относил Витгенштейна к этой традиции только потому, что тот повлиял на неё, но если у нас есть в наличии аргументы в пользу того, что некоторые другие австрийские философы повлияли на Витгенштейна, что их подходы хотя бы отчасти схожи, тогда действительно появляются основания выделить некоторые отличительные черты и приёмы, свойственные «австрийским» авторам, и отнести к этим авторам Витгенштейна.

Список литературы

- Витгенштейн, 2005 – *Витгенштейн Л.* Избранные работы: пер.с нем. и коммент. В. Руднева. М.: Территория будущего, 2005. 440 с.
- Карнап, Ган, Нейрат, 2006 – *Карнап Р., Ган Г., Нейрат О.* Научное миропонимание – Венский кружок // Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избранное. М.: Территория будущего; Идея-пресс, 2006. С. 57–75.
- Майнонг, 2011 – *Майнонг А.* О теории предметов / Пер. с нем. и вступ. статья В. Селивёрстова // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2011. Т. 27. № 1. С. 198–230.
- Райнах, 2006 – *Райнах А.* К вопросу о теории негативного суждения // Антология реалистической феноменологии / Ред.: Д. Атлас, В. Куренной. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 481–543.
- Штумпф, 2003 – *Штумпф К.* Самоизложение // Логос. 2003. № 3 (38). С. 80–128.
- Black, 1964 – *Black M.* A Companion to Wittgenstein's 'Tractatus'. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1964. 472 p.
- Findlay, 1933 – *Findlay J.N.* Meinong's Theory of Objects. London: Oxford University Press, 1933. 268 p.
- Findlay, 1963 – *Findlay J.N.* Meinong's Theory of Objects and Values. Oxford: Clarendon Press, 1963. 353 p.
- Grossman, 1998 – *Grossman R.* Wittgenstein and the Problem of Non-existent States of Affairs // Acta Analytica. 1998. No. 21. P. 139–146.
- Haller, 1986 – *Haller R.* Zur Historiographie der österreichischen Philosophie // Von Bolzano zu Wittgenstein. Zur Tradition der österreichischen Philosophie / J.C. Nyiri (Hrsg.). Wien: Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1986. S. 41–53.
- Haller, 1988 – *Haller R.* Was Wittgenstein a Neokantian? // *Haller R.* Questions on Wittgenstein. L.: Routledge, 1988. P. 44–56.
- Haller, 1988 – *Haller R.* Wittgenstein and Austrian Philosophy // *Haller R.* Questions on Wittgenstein. L.: Routledge, 1988. P. 1–26.
- Jacquette, 1997 – *Jacquette D.* Haller on Wittgenstein and Kant // Austrian Philosophy Past and Present / Ed. by Lehrer, Keith, Marek, Johann Christian. Dordrecht: Springer Science Business Media, 1997. P. 29–45.
- Lambert, 1983 – *Lambert K.* Meinong and the principle of independence: Its Place in Meinong's Theory of Objects and its Significance in Contemporary Philosophical Logic. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1983. 175 p.
- Morscher, 1986 – *Morscher E.* Propositions and States of Affairs in Austrian Philosophy before Wittgenstein // From Bolzano to Wittgenstein: The Tradition of Austrian Philosophy. Vienna: Verla Holder-Pichler-Tempsky, 1986. P. 75–85.
- Mulligan, 1989 – *Mulligan K.* Husserl on States of Affairs in the Logical Investigations // Epistemologia. 1989. No. 12. P. 204–234.
- Ryle, 1973 – *Ryle G.* Intentionality: Theory and the Nature of Thinking // Revue Internationale de Philosophie. 1973. Vol. 27. № 104/105 (2/3). P. 255–265.
- Salice, 2009 – *Salice A.* Urteile und Sachverhalte. Ein Vergleich zwischen Alexius Meinong und Adolf Reinach. München: Philosophia Verlag, 2009. 410 S.
- Simons, 1992 – *Simons P.* The Old Problem of Complex and Fact // Simons P. Philosophy and Logic in Central Europe from Bolzano to Tarski: Selected Essays. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publ., 1992. P. 319–339.

- Smith, 1978 – *Smith B.* An Essay on Formal Ontology // Grazer Philosophische Studien. 1978. No. 6. P. 39–62.
- Smith, 1997 – *Smith B.* The Neurath-Haller Thesis: Austria and the Rise of Scientific Philosophy // Austrian Philosophy Past and Present. Dordrecht: Springer Science Business Media, 1997. P. 1–21.
- Stadler, 1979 – *Stadler F.* Aspekte des gesellschaftlichen Hintergrunds und Standorts des Wiener Kreises am Beispiel der Universität Wien // Wittgenstein, the Vienna Circle, and Critical Rationalism / H. Berghel & A. Hübner & E. Köhler (Hrsg.). Wien: Halder-Pichler-Tempsky, 1979. S. 41–59.
- Stenius, 1960 – *Stenius E.* Wittgenstein's Tractatus: A Critical expositions of its main lines of thought. Oxford: Blackwell, 1960. 241 p.

References

- Black, M. A. *Companion to Wittgenstein's 'Tractatus'*. Ithaca: Cornell University Press, 1964. 472 pp.
- Carnap, R., Hahn, H., Neurath, O. “Nauchnoe miroponimanie – Venskiy kruzhok” [The Scientific Conception of the World: The Vienna Circle], in: *Zhurnal «Erkenntnis» («Poznanie»)*. Izbrannoe. Moscow: Territoriya budushhego, Ideya-press, 2006, pp. 57–75. (In Russian)
- Findlay, J. N. *Meinong's Theory of Objects*. London: Oxford University Press, 1933. 268 pp.
- Findlay, J. N. *Meinong's Theory of Objects and Values*. Oxford: Clarendon Press, 1963. 353 pp.
- Grossman, R. “Wittgenstein and the Problem of Non-existent States of Affairs”, *Acta Analytica*, 1998, no. 21, pp. 139–146.
- Haller, R. „Zur Historiographie der österreichischen Philosophie“, in: J. C. Nyiri (ed.). *Von Bolzano zu Wittgenstein. Zur Tradition der österreichischen Philosophie*. Wien: Verlag Holder-Pichler-Tempsky, 1986. S. 41–53.
- Haller, R. “Was Wittgenstein a Neokantian?”, in: Haller, R. *Questions on Wittgenstein*. London: Routledge, 1988, pp. 44–56.
- Haller, R. “Wittgenstein and Austrian Philosophy”, in: Haller R. *Questions on Wittgenstein*. London: Routledge, 1988, pp. 1–26.
- Jacquette, D. “Haller on Wittgenstein and Kant”, in. Lehrer, K., Marek, J.C. *Austrian Philosophy Past and Present*. Dordrecht: Springer Science Business Media, 1997, pp. 29–45.
- Lambert, K. Meinong and the principle of independence: Its Place in Meinong's Theory of Objects and its Significance in Contemporary Philosophical Logic. New York: Cambridge University Press, 1983. 175 pp.
- Meinong, A. “O teorii predmetov” [On theory of objects], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2011, vol. 27, no. 1, pp. 198–230. (In Russian)
- Morscher, E. “Propositions and States of Affairs in Austrian Philosophy before Wittgenstein”, in: *From Bolzano to Wittgenstein: The Tradition of Austrian Philosophy*. Vienna: Verla Holder-Pichler-Tempsky, 1986. P. 75–85.
- Mulligan, K. “Husserl on States of Affairs in the Logical Investigations”, *Epistemologia*, 1989, no. 12, pp. 204–234.

Reinach, A. “K voprosu o teorii negativnogo suzhdeniya” [On the Theory of the Negative Judgment], in: Atlas, D., Kurennoi, V. (eds). *Antologiya realisticheskoi fenomenologii*. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006, pp. 481–543. (In Russian)

Ryle, G. “Intentionality: Theory and the Nature of Thinking”, *Revue Internationale de Philosophie*, 1973, vol. 27, no. 104/105 (2/3), pp. 255–265.

Salice, A. *Urteile und Sachverhalte. Ein Vergleich zwischen Alexius Meinong und Adolf Reinach*. München: Philosophia Verlag, 2009. 410 pp.

Simons, P. “The Old Problem of Complex and Fact”, in: Simons, P. *Philosophy and Logic in Central Europe from Bolzano to Tarski: Selected Essays*. Dordrecht, Boston: Kluwer Academic Publishers, 1992, pp. 319–339.

Smith, B. “An Essay on Formal Ontology”, *Grazer Philosophische Studien*, 1978, no. 6, pp. 39–62.

Smith, B. “The Neurath-Haller Thesis: Austria and the Rise of Scientific Philosophy”, in: Lehrer, K., Marek, J. C. (eds.). *Austrian Philosophy Past and Present*. Dordrecht: Springer Science Business Media, 1997, pp. 1–21.

Stadler, F. „Aspekte des gesellschaftlichen Hintergrunds und Standorts des Wiener Kreises am Beispiel der Universitit Wien“, in: Berghel, H., Hübner, A., Köhler, E. *Wittgenstein, the Vienna Circle, and Critical Rationalism*. Wien: Halder-Pichler-Tempsky, 1979, pp. 41–59.

Stenius, E. *Wittgenstein's Tractatus: A Critical expositions of its main lines of thought*. Oxford: Blackwell, 1960. 241 pp.

Stumpf, K. “Samoizložhenie” [Self-presentation], *Logos*, 2003, no. 3, pp. 80–128. (In Russian)

Wittgenstein, L., Rudnev, V. (transl.). *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Territoriya budushchego, 2005. 440 pp. (In Russian)